

Мужчина из-за многолетних занятий боевыми искусствами был крепок, силен и обладал высокой температурой тела, отчего лежал рядом, словно огромная жаровня. А вот у Ань Чанцина из-за того, что в детстве он упал в воду, руки и ноги всегда оставались ледяными, особенно в лютые зимние морозы. Еще только что он тайком поглядывал на теплый очаг под боком, да только стеснялся прижаться к чужой груди.

Теперь же, когда «жаровня» сама подала голос, Ань Чанцин с радостью воспользовался предложением.

Возможно, бережное и заботливое отношение Сяо Чжигэ в кабинете помогло Ань Чанцину избавиться от многих страхов и чувства отчужденности. Потому теперь, украдкой прижимая ледяные ступни к теплым ногам мужчины, он вел себя вполне непринужденно.

Сяо Чжигэ слегка обнимал его. Оттого что юноша тёрся о него, точно маленький зверушка, князю было и сладостно, и невтерпеж. В конце концов, потеряв терпение, он прижал Ань Чанцина к себе и произнес немного сурово:

— Спи.

Согревшийся Ань Чанцин неохотно отозвался: «Оу», — и наконец замер.

Едва Сяо Чжигэ перевел дух, как прижавшийся к его груди юноша снова поднял голову и, помешкав, тихо спросил:

— Князь, у вас завтра есть дела?

— ... — Сяо Чжигэ снова пришлось напрячься, опасаясь, что тот попросит о чем-то, перед чем он не сможет устоять. — Завтра в военном лагере за городом пройдут состязания, мне нужно там быть. А что?

Услышав это, Ань Чанцин тут же сник и уныло пробормотал:

— Завтра третий день после свадьбы, пора навестить родной дом. Раз у вас дела, я вернусь один. Ничего страшного.

По крайней мере, в этой жизни он мог вернуться. В прошлой жизни он и помыслить не смел заговорить об этом с Сяо Чжигэ.

Сяо Чжигэ немного опешил, но быстро вспомнил, что это за день. По обычаям Да Е, на третий день после свадьбы жених должен был сопровождать новобрачную в дом ее родителей — этот обычай назывался «возвращением на третий день». Однако Ань Чанцин был мужчиной, да и Сяо Чжигэ, привыкший жить в военном лагере, не разбирался в подобных бытовых мелочах. А управляющий, который обязан был устроить всё заранее, счёл, будто князю не по душе Ань Чанцин, и даже не обмолвился о традиционном визите.

— Прости, — вспомнив о положении Ань Чанцина в резиденции канцлера, Сяо Чжигэ ощутил укол вины. Подумав мгновение, он сказал: — Это моя оплошность. Завтра я сначала отвезу тебя, а когда состязания до полудня закончатся, приеду в резиденцию канцлера, чтобы побыть с тобой.

Не ожидавший от него извинений, еще недавно огорченный Ань Чанцин сразу повеселел и с улыбкой ответил:

— Хорошо.

Больше они не разговаривали и крепко проспали до самого утра.

На следующий день ровно в час Мао Сяо Чжигэ проснулся. Ань Чанцин свернулся калачиком, уткнувшись лицом в его грудь, и крепко спал. Его белая, как нефрит, кожа покрылась румянцем, губы были слегка приоткрыты, а лицо казалось не таким хитрым, как во время бодрствования, а по-детски милым и наивным.

Сердце князя на миг смягчилось. Он осторожно переложил юношу, заботливо подоткнул одеяло и лишь после этого вызвал Ван Фугуя в кабинет.

— Какие подарки подготовлены для возвращения ванфэй в родной дом? — спросил Сяо Чжигэ, восседавая во главе стола. Голос его звучал ровно, не выражая ни радости, ни гнева.

Однако Ван Фугуй, прослуживший ему много лет, мгновенно понял суть вопроса и тут же пал на колени, признавая вину:

— Старый слуга проглядел! Простите, князь, я сейчас же всё приготовлю!

Тяжелый, почти осязаемый взгляд Сяо Чжигэ задержался на нем так долго, что на лбу слуги выступил холодный пот. Лишь затем князь ледяным тоном предупредил:

— Пойди и получи тридцать ударов палками. Подарки выбери лучшие из внутренней сокровищницы. Для госпожи Юй и второй молодой барышни подготовь отдельные подарки. Чтобы подобного больше не повторялось.

— Слушаюсь, старый слуга виноват, — трепеща, поднялся Ван Фугуй и утер холодный пот. — Я немедленно приступлю к приготовлениям, а после того как подберу подношения, отправлюсь принимать наказание?

Сяо Чжигэ махнул рукой:

— Иди. Не забудь показать список подарков ванфэй.

Когда Ань Чанцин проснулся, то увидел за окном Сяо Чжигэ, тренировавшегося с копьем. На мужчине было черное узкорукавное одеяние с серебряными облачными узорами, перехваченное поясом того же цвета, а на ногах — воловьи кожаные сапоги. Смоляные волосы были собраны, спина выпрямлена, а в руках он стремительно и мощно вращал вороненое копье с двумя остриями и пятью драконами. Ань Чанцин прислонился к окну, засмотревшись на него и позабыв обо всем.

Неудивительно, что ходившие снаружи слухи называли его «свирепым божеством». Когда этот мужчина сжимал копье, взгляд его становился суровым, а сам он излучал грозную силу. Если бы прошлым вечером Ань Чанцин не прижимался к нему, согревая руки и ноги в его объятиях, он никогда бы не поверил, что столь устрашающий генерал способен на такую чуткость и нежность.

Взгляд Ань Чанцина смягчился, и он не удержался от тихого зова.

Услышав его, мужчина опустил копье и пошел к нему. В его чертах еще сквозило суровое

напряжение, но взгляд был весьма спокойным:

— Проснулся? Велеть служанкам подавать завтрак? Поедим, и я отвезу тебя в резиденцию канцлера.

— Угу, — Ань Чанцин взглянул на капли пота у него на лбу и, немного поколебавшись, взял полотенце, чтобы вытереть их.

Сяо Чжигэ подсознательно натянулся, словно струна, но, когда мягкая рука слегка коснулась его щеки, постепенно расслабился. В его глазах мелькнул глубокий, затаенный огонек.

Ань Чанцин ничего не заметил. Вытерев с него пот, он отправился с ним завтракать.

Как раз к моменту, когда они закончили трапезу, Ван Фугуй подготовил подарки для визита к родителям и почтительно преподнес список подношений на просмотр Ань Чанцину, поинтересовавшись, не нужно ли добавить что-то еще.

Увидев в списке лекарственные снадобья, отдельно подготовленные для матери, и украшения для сестры, Ань Чанцин ощутил тепло на душе. Еще вчера утром Ван Фугуй относился к нему крайне пренебрежительно, так что эти добавления наверняка были не его инициативой. А чьей же тогда... Ответ лежал на поверхности. Он посмотрел на сидевшего рядом со строгой осанкой мужчину и подарил ему прекрасную улыбку:

— Благодарю князя от имени матушки и сестры.

Сяо Чжигэ сохранил бесстрастное выражение лица:

— Не стоит благодарности.

Ань Чанцин улыбнулся. Завершив завтрак, они отправились в резиденцию канцлера. Ань Чанцин не умел ездить верхом, поэтому сел в экипаж, а Сяо Чжигэ ехал рядом на коне. Резиденция канцлера находилась на переулке Сыси поблизости от Императорского города, тогда как поместье князя располагалось на переулке Бапин, вдали от дворца. Верхом этот путь занимал не больше четверти часа, но карета двигалась почти полчаса, так что к резиденции канцлера они прибыли ровно в час Чэнь.

Узнав, что экипажи и всадники из поместья Бэйчжань-вана уже подходят к главным воротам, Ань Чжикэ и его законная супруга госпожа Ли даже не сразу поняли, в чем дело. Ань Чжикэ нахмурился:

— Только вчера сыграли свадьбу, с чего это они возвращаются?

Госпожа Ли знала, что муж никогда не любил этого сына, и уже собиралась поддакнуть, как вдруг вспомнила и ахнула:

— Неужели сегодня день возвращения в родной дом на третий день?

Лишь тогда в поместье Ань поднялся настоящий переполох.

Как бы канцлер Ань ни недолюбливал этого сына и как бы Бэйчжань-ван ни был неугоден императору, их статус оставался незыблемым. Один был победоносным князем с огромными военными заслугами, другой — его ванфэй. Как бы к ним ни относились втайне, открыто

нельзя было допустить ни малейшей оплошности. Иначе одного обвинения в неуважении к императорскому дому хватило бы, чтобы цензоры подали на канцлера донос.

Госпожа Ли спешно велела слугам распахнуть парадные ворота и оповестить всех обитателей резиденции: чиновники должны были облачиться в парадные титульные одежды, а знатные дамы — надеть наряды и украшения согласно своим рангам. Лишь когда все подготовились, во главе со старой госпожой и Ань Чжикэ вся семья выстроилась у главных ворот в ожидании гостей.

Когда карета из поместья Бэйчжань-вана остановилась у ворот, на лице Ань Чжикэ заиграла безупречная улыбка. Он выступил вперед, будто ждал их с самого утра:

— Князь, ванфэй, прошу внутрь. Вся семья давно ждет вас.

Сяо Чжигэ, восседавший на коне, лишь слегка кивнул. В нем не было и капли теплоты к родне супруга — всё тот же неприступный и суровый вид:

— Старая госпожа, канцлер. В военном лагере за городом у меня неотложные дела, поэтому я лишь привез Чанцина и сразу уезжаю.

Сказав это, он повернулся к Ань Чанцину, шепнул, что приедет как можно скорее, и, не дожидаясь реакции остальных, пустил коня вскачь.

Ань Чжикэ был недоволен, но, вспомнив, что Бэйчжань-ван всегда отличался таким нравом, да и слухи твердили об их разладе с Ань Чанцином, не слишком удивился такому поведению. Когда Сяо Чжигэ уехал, улыбка на лице Ань Чжикэ померкла, и вся процессия повела Ань Чанцина вглубь поместья.

Мать и сын Ань Чанцина не пользовались расположением Ань Чжикэ и раньше не имели никакого положения в резиденции канцлера — даже служанки и кухарки могли безнаказанно их третировать. Теперь же, когда он выскочил замуж в поместье князя и стал ванфэй, вся семья Ань вынуждена была встречать его с почестями.

Хотя в свое время Ань Чанцина заставили выйти замуж против воли, сейчас, глядя на то, как он в роскошных шелках восседает на главном почетном месте, пока остальные пригибают головы и вынуждены покорно называть его ванфэй, домочадцы семьи Ань испытывали глубокую досаду. Что уж говорить о нескольких молодых господах и барышнях, привыкших прежде помыкать им.

Семья Ань была многочисленной и состояла из четырех ветвей. Поскольку старая госпожа была еще жива, раздел имущества не проводили, и все четыре ветви жили в этой огромной усадьбе из пяти дворов. Ветвь Ань Чжикэ была старшей. Помимо третьего молодого господина, Ань Чанцина, у него было еще двое сыновей и три дочери. Законный старший сын Ань Чаньюй и законная старшая дочь Ань Сяньи были рождены главной женой, госпожой Ли. Второй молодой господин Ань Чандуань и третья барышня Ань Сяньгэ родились от любимой наложницы, госпожи Лю. А сам Ань Чанцин и его родная сестра Ань Сяньюй были рождены наложницей, госпожой Юй.